

Дмитрий Емец

МОЯ
БОЛЬШАЯ
СЕМЬЯ

ТАИНСТВЕННЫЙ
КТОТОТАМ

Для ребенка — это уже много, а три — это су

кало. (Общественный факт)

Моя большая семья

Дмитрий Емец

Таинственный Ктототам

«Емец Д. А.»

2016

УДК 821.161.1-31-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Емец Д. А.

Таинственный Ктототам / Д. А. Емец — «Емец Д. А.»,
2016 — (Моя большая семья)

ISBN 978-5-699-92513-1

Однажды во дворе дома Гавриловых появился таинственный Ктототам и по-хозяйски расположился в заброшенном сарайчике у забора. Скоро с Ктототамом перезнакомилась вся семья, и теперь ни одно событие не обходилось без его участия. А когда из зоопарка пропали белый тигр и коза, то поисковый отряд возглавил именно Ктототам! И никто не предполагал, что в этой истории окажутся замешаны один бегемот, четыре пони и четыре лошади, капитан небольшой яхты и неудачливый Робинзон...

УДК 821.161.1-31-053.2

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92513-1

© Емец Д. А., 2016

© Емец Д. А., 2016

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	22
Глава третья	36
Глава четвертая	43
Глава пятая	55
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Дмитрий Емец

Таинственный Ктототам

© Емец Д., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

* * *

*Светлой памяти моего папы,
Александра Ивановича*

Глава первая Таинственный Ктототам

– Рита, рассказать тебе мою песенку? Только ты ее никогда не пой, потому что она моя!

Костя

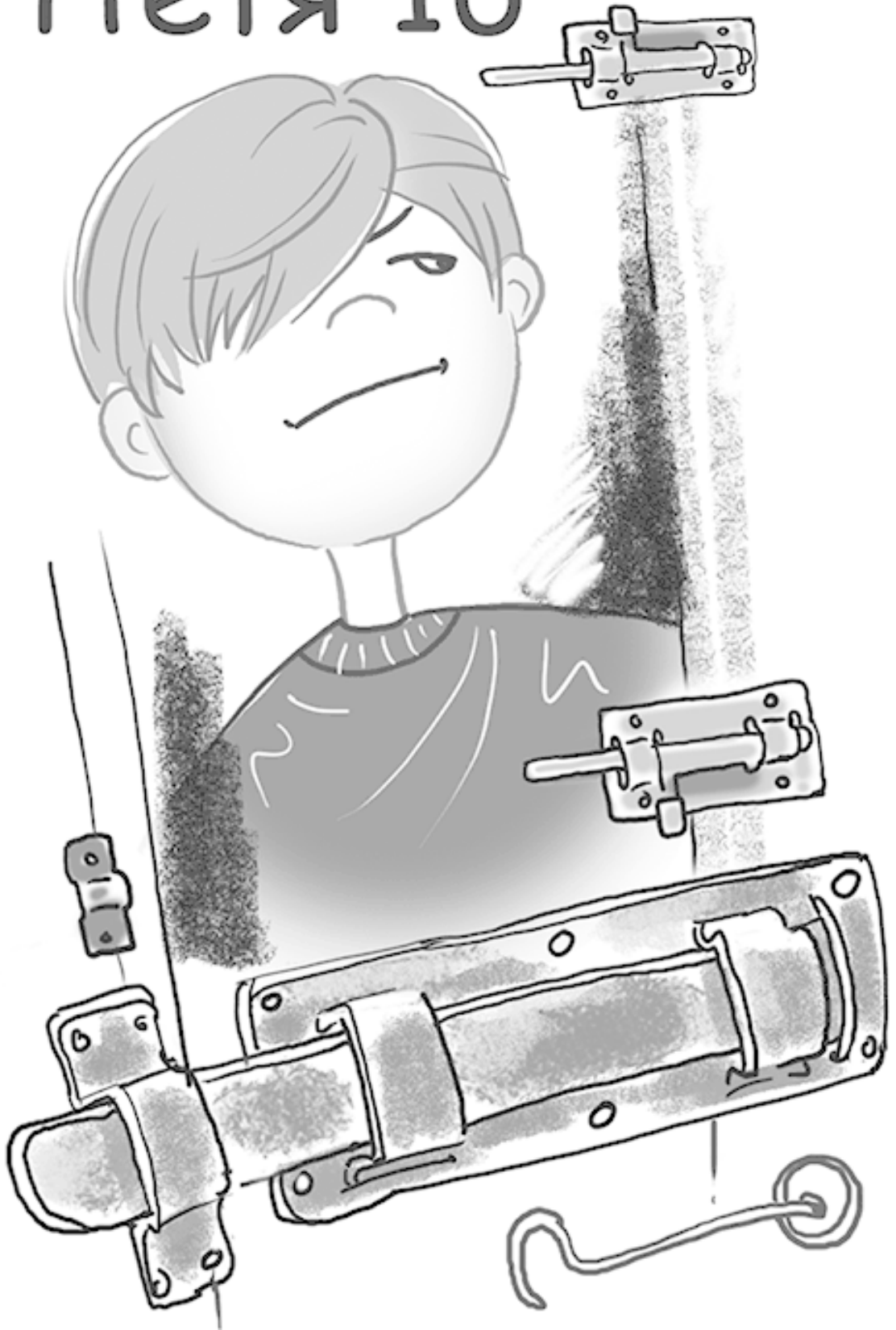
Каждый следующий день приносит с собой немного нового и уносит некоторое количество старого. Это называется ходом времени. Когда смотришь даже на очень недавнюю семейную фотографию, удивляешься, как сильно все изменились, выросли, повзрослели, а порой и постарели. Поэтому нужно очень быстро и жадно писать, фотографировать, рассказывать, чтобы не дать памяти потерять ни одной драгоценной капли бытия. С той весны, как семья Гавриловых переехала в город у моря, прошел почти год. Сейчас на дворе начало апреля. Город залит солнцем. Еще с марта деревья спешат зацвести, а многие цветут даже прежде, чем появятся листья. Выходишь утром из дома и видишь, что крыша машины и лобовое стекло посыпаны тонким слоем песка. Проводишь пальцем, прикидывая, кто бы это мог пошалить, – и понимаешь, что это пыльца.

Невообразимое множество пыльцы носится в воздухе, пролетая, прежде чем опуститься на землю, десятки, сотни, тысячи километров. Здесь не только крымская пыльца – тут и турецкая, и болгарская, и кавказская, быть может, даже африканская... На земле пыльца не заметна, а вот на гладких камнях, на поверхности луж и стеклах машин бросается в глаза сразу. Есть и другой способ обнаружения пыльцы. Его знают все аллергики, такие как Вика и Петя. Весной они ходят с отеками носами, красными глазами и непрерывно чихают.

За год все юные Гавриловы немного выросли, и только автобус не вырос и остался прежним. Это тот же бодрый японский автобус, только пятнышек ржавчины стало чуть больше и одна фара у него обновилась, потому что мама неудачно прислонила к ней велосипед.

Пете – самому старшему из детей Гавриловых – шестнадцать.

Петя 16

Он безвылазно сидит у себя в комнате и покидает ее только, чтобы сходить в школу или поесть. Все знают, когда Петя выходит из комнаты, потому что тогда щелкают два малень-

ких шпингалета и одна большая щеколда. Подразумевается, что Петя готовится в институт, но в какой – непонятно. Он пока находится в стадии исканий. Сегодня хочет быть гуманитарием, завтра – математиком, послезавтра – биологом. Потом вдруг заявит, что вообще не хочет учиться, а хочет зарабатывать много денег, а для этого нужно открыть свою фирму. Правда, чем именно будет заниматься фирма, Петя пока не придумал.

Вике – четырнадцать. Она собирается уходить из школы и поступать в ветеринарный колледж. А пока что, привыкая, ходит в белом халате и носит в маленькой банке заспиртованную мышку. Мышку зовут Фекла. С Феклой приятно разговаривать. Она, в отличие от родителей и подруг, не перебивает и всегда дослушивает тебя до конца. Лошадей Вика любит по-прежнему, но их сильно потеснили собаки.

Вика 14

Вика завела двух цвергпинчеров: Вильгельма и Ричарда. Это такие дрожащие собачьи мужчины в комбинезончиках, которые сидят у нее в комнате. Когда Вика уходит, то наклеивает на дверь волосок, прижимая его двумя кусочками пластилина. Делает она это для того, чтобы Саша, Костя и Рита «не разбешакивали» собак. Первое место в «разбешакивании» у Риты. Она не только лает на собак, но порой, впадая в самозабвенный экстаз, даже кусает их. Вилли и Ричард, впрочем, не боятся и платят Рите той же монетой.

Кате – двенадцать. До поздней ночи она делает уроки, но при этом уверяет, что отличницей быть не собирается и что как на отличницу на нее давно махнули рукой. Все учителя в школе знают Катю и жалуются ей на ее братьев и сестер. Например, Сашина учительница говорит: «Саша опять ничего не делал на уроке! Сказал, что забыл пенал. Я проверила: и правда нет». – «А вы у него в мешке с физкультурной формой посмотрели? Он такой товарищ, что и ботинки на ногах может не найти», – отвечает Катя – и действительно, пенал оказывается там, где она и предполагала.

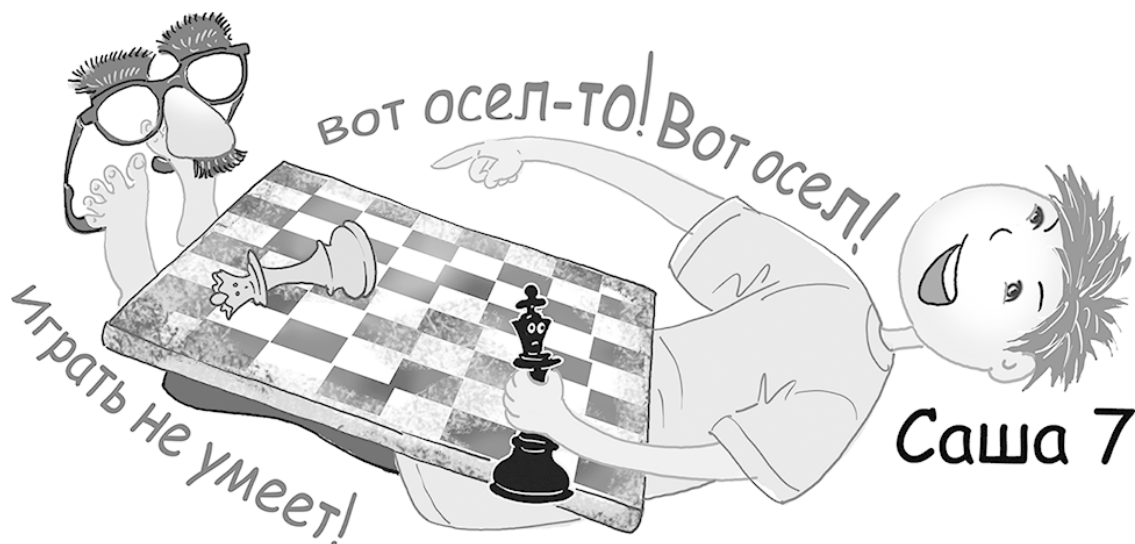

Алене – девять. Она обустроила себе для жизни маленький чуланчик с поднимающимся наверх окном. В этом чуланчике, помимо самой Алены, теперь проживают черепаха Мафия и крыс Шварц со всем своим гаремом. Все они перешли к Алене по наследству после того, как Катя обнаружила, что животные и идеальный порядок несовместимы. К прежнему зверью добавились шиншиллы и карликовый кролик Чудик, который умеет так сильно пинаться, что два раза закручивается вокруг своих ушей.

Алена очень любит лепить из пластилина, читать и слушать аудиокниги. Еще у нее множество подруг, с которыми она часами разговаривает по телефону:

– У нас трудовичка на самом деле химичка! Она как наш Саша – любит все взрывать! И еще хорошо шьет юбки! Фартук ей неинтересно! Она фартук сделала, но потом его на химии прожгла!.. А еще она... убью!.. бросает через прутья опилки!.. Это не она, это кролик бросает!

Саше – семь.

В свободное время он пытается сделать робота из железной банки, топит в воде батарейки, чтобы получить электрическую воду, или играет сам с собой в шахматы. Сам у себя выигрывает и восклицает: «Вот осел-то! Вот осел! Играть не умеет!» Еще Саша очень занудно все объясняет. Например, разобьет чашку и так долго освещает все обстоятельства произошедшего, что все уши зажимают.

– Все! Не объясняй больше! – говорит папа тоскливо. – Я понимаю: ты спас нашу семью от напавшей чашки.

Костя 5

Косте – пять.

Он любит смотреть взрослые фильмы и делать из них философские выводы. Например, такие:

– Ты знаешь, кто такие инкассаторы? У них сильные жилеты. Бандиты их пытаются прострелить, а пули отгаливаются от жилетов и попадают насмерть в бандитов. Поэтому, когда инкассатор встречает бандита, он кричит: «Стреляй! Стреляй в меня!» А бандит, если умный, отвечает: «А вот и не буду!» И тогда инкассатор огорчается и отдает ему все деньги.

Недавно кто-то рассказал Косте о микробах, что они очень маленькие и вообще повсюду. Теперь ему везде мерещатся микробы. Пытаясь затопить их, он наливает в дырочки в полу подсолнечное масло или рисует для Риты поучительную картину: «Яичница ловит микробов».

Рите – три.

Недавно она заговорила и теперь говорит даже чуть больше, чем всем хотелось бы. Это круглая хозяйственная девочка, влюбленная в своих братьев и выполняющая при них функцию добровольного секретаря.

– Туалет занят! Я в нем! – кричит через дверь Костя.

– Туалет занят! Он в нем! – в восторге повторяет Рита.

– Булочку никому не трогать! Я ем булочку! – предупреждает Саша, которому нужно срочно закопать в горшке с маминой любимой фиалкой дождевого червя, чтобы он размножился и делал землю.

Рита всплескивает руками, прижимает руки к груди.

– Булочку никому не трогать! Он ест булочку! – повторяет она, забывая, что «не трогать» говорится вообще-то ей. Рита полностью растворена в Саше и его интересах и даже жует точно так же, как и он, хотя он ест булочку, а она работает челюстями вхолостую.

***

Вечером в середине апреля вся семья Гавриловых сидела за столом и пила чай.

– Скоро закончится весна и будет лето! – мечтала Алена. – Самого последнего мая в двадцать три пятьдесят девять я хочу выйти на улицу и закричать: «Ура! Лето!» Я уже с тремя девочками договорилась. Мы все сразу заорем!

– Что? Прямо хором? – заинтересовался папа.

– Хором не получится. Лариса на балкон выскочит, ее на улицу не пустят.

Ощутив под ногами шевеление, Катя заглянула под стол. Там на четвереньках сидел Саша и что-то, пыхтя, делал.

– Не мешай! Я насыпаю сахар возле муравьиных норок! – предупредил он.

– А-а-а! – заорала Катя, пытаясь сгрести его за ухо. – Норок! Так вот почему по мне ночью муравьи ползают!

Саша вырвался и вскарабкался на самый верх шведской стенки, где у него лежала заблаговременно припасенная тапка, чтобы отбиваться от сестер, если они будут его стаскивать. Однако Катя стаскивать его не стала. Она ела шарлотку, и ей было лень надолго отвлекаться.

– Сашенька! Утешение души моей! Бальзам моей глубокой старости! Сгинь с глаз моих! – устало сказала она и вернулась к столу.

– А ты глупая! Вы все глупые, потому что ни муравьев не кормите, ни пауков, ни сколопендр! А им всем, кстати говоря, тоже есть надо! – заорал ей вслед Саша.

Катя пожала плечами.

– Кто б говорил! А ты... ты друга своего лягушке отдал! – заявила она.

Саша смутился. Осенью он завел себе дождевого червяка, не того, что жил сейчас в фиалке, а другого. Этот червяк был его лучший друг. Обитал в банке. Саша его каждый день доставал, клал на ладонь и проверял, беременный червяк или нет. А потом как-то в плохом настроении взял и скормил его шпорцевой лягушке.

Неожиданно на улице забрехали собаки Мальчик, Табуретка и Малыш, а из комнаты Вики им визгливо откликнулись Вильгельм и Ричард, которые лаяли так, что их передние лапы подбрасывались вверх. Вслед за этим железные ворота глухо брякнули. Гавриловы переглянулись, пытаясь сообразить, что бы это значило.

– Петя лезет! – предположил Костя, потому что ворота всегда брякали, когда Петя забывал ключи и ему надо было попасть домой.

– Ку-ку! – сказал Петя. – Я здесь!

– Тогда Саша! – выдвинул новую версию Костя, и тут уже даже «ку-ку» ему никто говорить не стал, потому что Саша сидел на шведской стенке.

Все кинулись к выходящему на двор окну. Было уже темно, но на улице горел фонарь.

У них на глазах через ворота перелез плотный, несколько похожий на грушу мужчина. Усевшись сверху ворот, он свесил ноги и, шевеля босыми пальцами (он был в шлепках), озабоченно оглядел свои брючины, на которых только что поочередно повисели Мальчик, Малыш и Табуретка. Мужчина был лысый, с блестящей макушкой, но сзади волосы у него были длинные, завязанные хвостиком. Верхнюю губу незнакомца украшали тщательно ухоженные усы.

На одном плече у него болтался рюкзак, с другого на ремне свисал поцарапанный этюдник. Когда неизвестный спрыгивал на участок, в этюднике у него что-то громыхнуло. Оказавшись во дворе у Гавриловых, мужчина с интересом огляделся. Поправил рюкзак, прокрутил пальцем педаль маминого велосипеда и преспокойно прошествовал мимо окна, из которого на него смотрели папа, мама и семеро детей.

Помахав им рукой с таким видом, будто они встречались каждый день и уже слегка друг другу поднадоели, неизвестный проследовал в самый конец участка – туда, где он стыковался с участком Моховых. Забор там в одном месте отсутствовал, а вместо него под односкатной шиферной крышей помещалась времянка размером три на четыре метра.

Эта времянка была очень старая, облупленная, но с запертой дверью и такими пыльными стеклами, что невозможно было заглянуть внутрь. Кому она принадлежала, Гавриловы так и не выяснили. Старичок, у которого они снимали дом, утверждал, что это времянка Моховых, потому что находится на их территории, но Моховы это отрицали.

– Это не может быть наша временка, потому что вход в нее с вашего участка! – говорили они.

– Но сама-то временка на вашем участке! – возражал папа, на что дядя Марат философски пожимал плечами и уверял, что он не жадный. Пусть себе временка стоит где хочет.

Как-то на односкатной крыше этой временки Саша, Костя и Петя вместе с Андреем и Серафимом Моховыми основали общество женоненавистников. Общество существовало в форме зеленой тетради в клетку со списком участников, а чтобы участников было больше, Андрей и Серафим до кучи записали туда всех девочек. Через какое-то время оказалось, что все мальчики из тетради повычеркивались, а остались одни только девочки.

– Все правильно! Настоящие женоненавистники – это девочки! – сказал дядя Марат и сфотографировал эту тетрадь тремя разными объективами.

В окно было видно, как таинственный человек возится с замком, как заходит во временку и плотно закрывает за собой дверь. А еще через какое-то время в пыльном окошке вспыхнул тускловатый желтый свет. Очень загадочный, потому что к временке не было протянуто ни одного электрического провода.

– И что будем делать? – спросила мама. – Может, полицию вызвать?

– А что он такого натворил-то ужасного? Перелез через ворота, – примирительно сказал папа.

– Через *наши* ворота...

– И что?.. Ладно, я, пожалуй, пойду к нему постучу! Надо всё выяснить. Если это его временка, дадим ему ключ от ворот. А то так и будет шастать, собак пугать, – и папа открыл дверь.

Папа Гаврилов вышел из дома и, на ходу набираясь решимости, направился к временке. Родственники отважно следили за ним из окна. Папа дошел до временки и, откашлявшись, постучал.

Ричард

Вильгельм

– Кто там? – спросил голос из-за двери.

– Меня зовут Николай! Мы живем в доме! – сказал папа. – Вы перелезли через наши ворота!

– Конечно, перелез! А вы хотели, чтобы я через них перепрыгнул? Кстати, вы в курсе, что ваши ворота сверху грязные? Это не вы вымазали их солидом?

– Нет! – сказал папа.

– Точно не вы? А кто тогда? – усомнился голос.

– Откуда я знаю! – рассердился папа, пораженный тем, что уже вынужден оправдываться. – Может быть, вы хотя бы откроете?

– Не могу! – сказали со вздохом. – Я уже снял брюки. Заходите завтра после десяти утра!.. А лучше даже после одиннадцати! Спокойной ночи!

Качая головой, папа Гаврилов вернулся домой. Саша сидел на корточках за дверью и мастерил из катушки какое-то оружие.

– Это будет *котопульта*! – бормотал он. – Я знаю, почему они так называются! Древние люди пуляли котов в крепость, коты орали, жители не могли выспаться и сдавались!

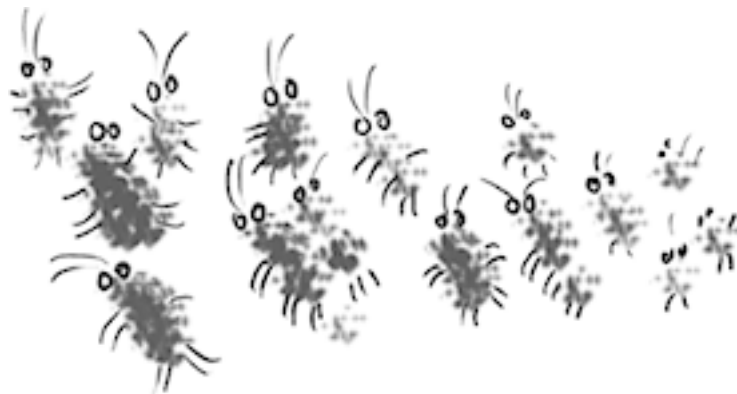
Костя ухитрился надеть сачок для бабочек на голову Рите, что, судя по доносящимся из-под сачка звукам, ей совсем не нравилось.

– Ну что? – закричали все, радуясь, что папа вернулся живой.

– Он уже снял брюки, – авторитетно объяснил папа. – Приемные часы у него завтра после одиннадцати.

– А кто он хотя бы такой? Он представился? – спросила мама.

– Таинственный Ктототам, – ответил папа.

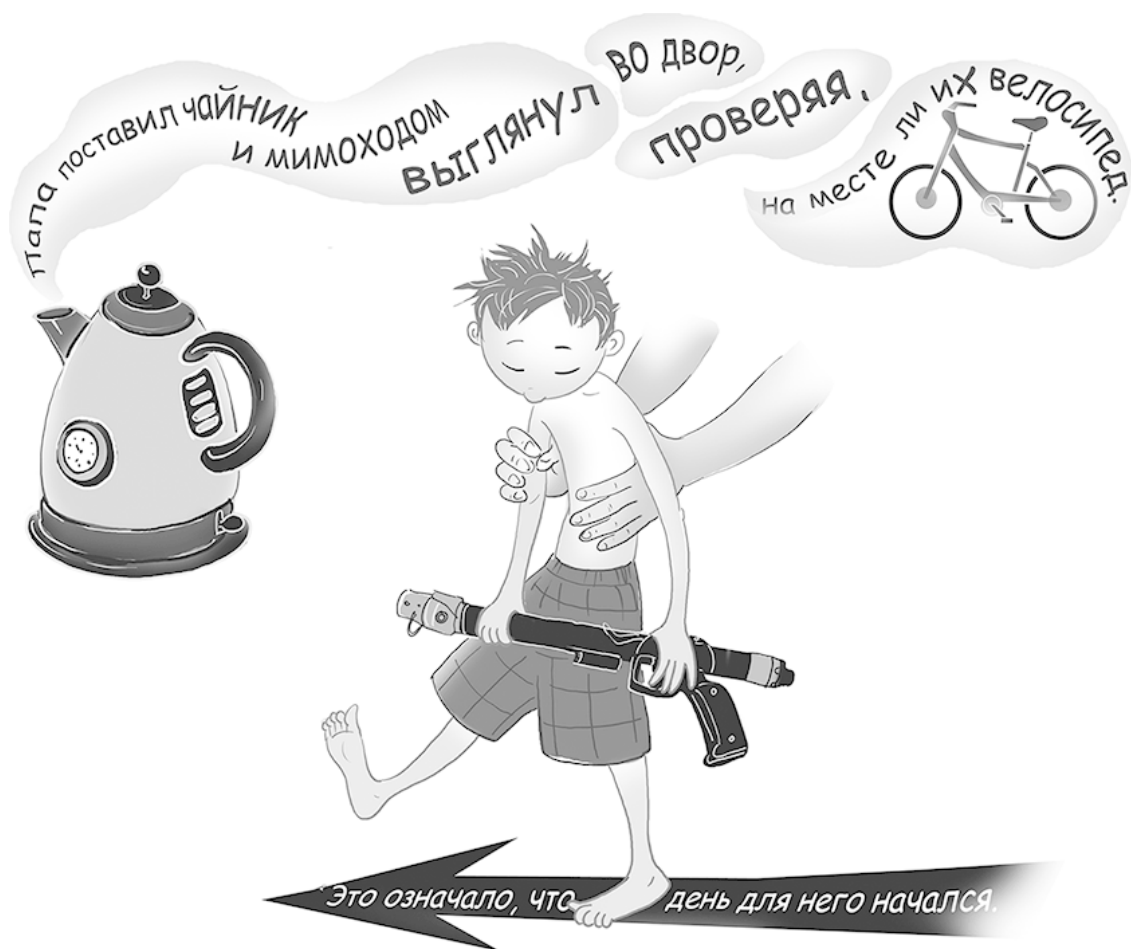
Глава вторая Художник Федор

Теперь я знаю, как формировать ценности. Надо из всех детей купить луну только одному, тогда для тех, кому не досталось, луна будет ценностью. Если же купить сразу много лун, они их выбросят, разобьют, на том дело и кончится.

Папа Гаврилов

Ночью на Гавриловых так никто и не напал, так что Петя напрасно ночевал с битой, а Саша с подводным ружьем, от которого не было ни одной стрелы. На рассвете папа Гаврилов прокрался вниз. Он спускался по темной скрипучей лестнице, опасаясь разбудить Риту, которая запросто могла на нем повиснуть и отравить утренние часы спокойной работы. Где-то наверху, под детскими кроватями, стихийно включаясь, хрипела забытая игрушка. Папа не мог найти и обезвредить ее уже вторую неделю. Обычно игрушка хрипела секунд десять, а потом надолго замолкала, прячась среди множества немых игрушек. Потом опять включалась и хрипела. Это было жутко и напоминало писателя Ремарка, у которого на поле боя между мертвыми всю ночь стонал забытый раненый. Папа поставил чайник и мимоходом выглянул во двор, проверяя, на месте ли их велосипед. Велосипед был на месте. Свет во времянке, в которой проживала загадочная безбрючная личность, не горел.

Папа включил ноутбук и работал до тех пор, пока на втором этаже не начали срабатывать будильники. Он знал, что сейчас начнется. Все будут слышать только чужие будильники и вопить «Выключи немедленно!», а своих никто не услышит.

Активных пользователей будильников среди Гавриловых было всего шесть (за вычетом мамы, Риты и Кости), но каждый из этих шести ставил в телефоне обычно по четыре-пять будильников. Трезвон начинался в семь утра и заканчивался часов в девять, так как кто-нибудь обязательно забывал свой телефон дома, а чтобы отключить будильник, его надо было еще найти.

Минут через десять по лестнице забухали пятки. Первыми спустились Костя и Рита, хотя они-то как дошкольники могли бы еще поспать. Спящего Сашу папе пришлось сносить на руках и ставить на пороге туалета – единственное во всем доме место, где Саша с утра не обрушивался на пол. Саша постоял на пороге, пошатался и сделал шаг вперед. Это означало, что день для него начался.

Пока папа ходил за Сашей, Алена с Катей уже оказались за столом. Насыпая в молоко шоколадные шарики, они обсуждали, что подарить маме на день рождения, который будет уже скоро.

- Тапки? – прикидывала Алена.
- Издеваешься? Тапок у нее и так на десять ног! – морщилась Катя.
- Тогда, может, пилу-болгарку? – предлагала Алена.
- Болгарку ей папа подарил на Восьмое марта. Сейчас она хочет миксер для бетона, чтобы глину мешать!

Минут
через 10
по лестнице
забухали пятки.

Недавно мама исполнила свою заветную мечту: купила гончарный круг с мотором. Круг был встроен в небольшую скамейку. С одной стороны, уперев локти в колени, садилась мама, а с другой кто-нибудь из детей. Мама нажимала ногой на педаль. Мотор начинал урчать, а круг вращаться. Дети смотрели, как из-под расставленных ладоней мамы, рождаясь у них на глазах, медленно выплывают горшок или чашка. Просто сказка!

Больше всего сложностей доставляло приготовление глины. Папа и мама выкапывали ее в заброшенных карьерах по всему Крыму, привозили и замачивали во множестве ведер, тазов и бочек. Лишняя вода сливалась с помощью трубок или просто через край и процеживалась через сита и тряпки. Важно было не пропустить ни один мелкий камешек. Глазом его не разглядишь, но в печи изделие даст трещину. Тазов с глиной было так много, что они занимали всю ванную и даже часть крохотного двора.

Первыми прелести глины открыли Рита, Костя и Саша. Однажды они подошли к большому тазу, присели на корточки и, созерцая три нечетких отражения в дрожащей взвеси, стали подговаривать друг друга сунуть туда палец. Существовала вероятность, что палец растворится, поэтому вначале они стали засовывать туда куриные косточки. Костя усомнился было, что это хорошая идея, но Саша назидательно сказал: «Костя, ты не понимаешь! Пальцы сделаны из скелета!» – и, убежденный железной логикой брата, Костя стал помогать ему обгрызать холодную курицу. Убедившись, что косточки в тазу не растворились, братья засунули в таз Риту как наименее ценную. Когда же и Рита уцелела, они и сами стали окуна́ть туда руки по локти.

Когда, проверяя, куда делись младшие дети, к ванной приблизилась мама, навстречу ей с поросычьим визгом выбежала совершенно коричневая Рита. За Ритой, оставляя босыми ногами рыжие следы, неся Костя. Последним, небрежно роняя с себя пласты глины, шествовал Саша, узнаваемый только по блестящим глазам и торчащим волосам. Это не мешало ему вступать со сложными химическими комментариями, суть которых сводилась к тому, что производство нужно усовершенствовать и он, кстати говоря, уже придумал как.

Мама поймала Риту под локти.

– Мам! Там такое... такое... такое! – радостно завопила Рита, руками, глазами и высокими подпрыгиваниями выражая всю степень своего восторга.

– Это глина! – сказала мама.

– Да! Глина! – взвизгнул Костя в еще большем восторге, чем Рита. – А глина – это знаешь что такое? Это гря-а-а-азь!

Перед тем как уйти в школу, Катя еще успела натянуть на Риту колготки, правда до этого на нее пошумела и один раз ущинула, когда Рита стала совать ногу ей в нос. Папа давно заметил, что, когда один ребенок что-то делает для другого ребенка, он почему-то всегда на него кричит, чтобы тот не слишком зазнавался, что для него что-то делают.

Потом мама стала собирать Риту в садик, а Костя остался дома, потому что ему надо было к врачу. От удовольствия, что никуда не идет, Костя прыгал на лавке и высовывал язык, а Рита вертелась и пыталась вывалиться из велосипедного кресла. Ей тоже хотелось к врачу.

– Рита, что ты орешь как резаная? – поинтересовался Костя.

– Я не резаная! Он сказал, что я резаная! – завопила Рита, дергая маму за рукав.

– Рита, не скандаль! – сказала мама и увезла Риту в садик, а папа опять сел печатать.

Когда мама вернулась из садика, то на участке увидела Костю, удравшего из дома тайком от папы. Костя был в огромных резиновых шлепанцах на босу ногу, в трусах и майке, но зато в зимней шапке с ушами, надевать которую уже вошло у него в привычку. Костя все делал с опозданием на один сезон. Зимой пытался носить резиновые сапоги, летом – теплую куртку, а осенью – шорты.

Сейчас Костя стоял перед входом во времянку, дверь в которую была распахнута настежь. На высоком пороге сидел вчерашний таинственный Ктототам и ел кильку в томате, поддевая ее какой-то щепочкой.

– Гутен, как говорится, морген, фрау! – приветствовал он маму. – Вы, конечно, уже видели кедр ливанский?

– Какой еще кедр? – озадаченно спросила мама.

Ктототам вскинул щепочку и нанизанной на нее килькой показал на крышу времянки:

– Обратите внимание на маленькое дерево, проросшее в шифере! И, умоляю вас, не надо утверждать, что это сосна! У сосен никогда не бывает накрененных вершин! Накрененная вершина – это визитная карточка кедра ливанского!

Пока мама ошеломленно созерцала кедр ливанский, очень походивший на обычный бурьян, Ктототам вскочил и, галантно подхватив мамин велосипед за руль, помог ей прислонить его к стене.

– А что у вас, позвольте спросить, за чудо-машина? – поинтересовался он.

– Вот, купили по объявлению, – рассеянно отозвалась мама.

– Дорого?

– Да нет, не очень...

Мама

АИИИИ

Ктототам опять взмахнул своей щепочкой, перед этим ловко подхватив с нее губами кильку:

– Вот ослы! Сами не понимают, что продают! Это же немецкий велосипед с удлинённой туристической рамой! Он бесценен, поскольку сделан из космических сплавов с добавлением платины! Его прямо сейчас можно обменять на легковой автомобиль! Вот выйти из ворот – и обменять, если попасть на знающего человека!.. Согласны? Меняем?

Мама испуганно замотала головой.

– Ну дело хозяйское! – легко уступил Ктототам. – Не хотите машину – и не надо!.. Кстати, а у вас ложки, случайно, нет?.. А то понимаете, какая пертурбация! Мою ложку – князя Потемкина ложка, серебряная, с гербом! – недавно украл один асоциальный элемент, когда я случайно уснул на вокзале. Я был смертельно болен! Температура сорок два! Жар и одновременно, понимаете ли, бледность! Этот тип элементарно решил, что я помер!

Оглянувшись на Костю, который наблюдал за Ктототамом, распахнув рот до самых гланд, мама отправилась в дом за ложкой.

– И прихватите, пожалуйста, хлеба! Я изголодался, поскольку последние двести километров прошел пешком! После кражи на вокзале остался совершенно без средств! – крикнул ей вслед Ктототам.

Мама взяла хлеба, кабачковой икры, а заодно захватила и папу, сообщив ему, что его вчерашний гость проснулся. Папа вышел вместе с мамой. Чтобы не выдать, что папа взят для охраны, мама доверила ему нести ложку.

– Гуд монинг, мэн, светлый и брадатый! – закричал Ктототам папе, переходя с немецкого на английский. – Это вы вчера стучались в мою скромное уединище? Простите, я был несколько неглиже и не осмелился, так сказать, приветствовать, чтобы не быть двусмысленно понятым!

Папа Гаврилов заверил его, что ничего страшного, ерунда.

– Очень, очень рад! – воскликнул гость, стискивая папе руку и начиная с большой энергией дергать ее вверх и вниз. – Позвольте представиться: Федор Скрипник!..

Где-то в небе прогремел гром. Это Ктототам перестал быть Ктототамом и обрел наконец имя.

– За ложку, кстати, благодарствую!.. А это что? Кабачковая икра? Чудно! Пища богов, если верить Гомеру!

– Я нож забыла! Намазать нечем! – спохватилась мама.

– О, зачем нож? Нож совершенно не нужен! По религиозным соображениям я не ношу с собой оружия. Я даже рыбу ловлю голыми руками! – заверил ее Федор и очень быстро и ловко накрошил хлеб в кабачковую икру. Потом перемешал и ложкой стал есть.

– В прошлый раз я гостил у тетушки лет восемь назад! – поведал он, кивая на времянку. – Увы, она не дождалась меня! Вы, конечно, ее знали?

Папа сказал, что не знали. Федор, испытывший как будто некоторое облегчение, зацокал языком:

– Ай-ай-ай! Как так можно? Уникальная была дама! Единственная в городе женщина-снайпер! Лично застрелила трехсот двух фашистов, и еще двухсот ей не засчитали.

– Почему?

– Она ходила на задания всегда одна. За линию фронта. Хлопнет двух-трех фрицев, а никто этого не видел. Вот и не засчитают! Чтобы ее обезвредить, немцы выписали своего лучшего снайпера Маттиаса Хетценаура. Он-то ее и грохнул. Женщину, понимаете? Поднялась рука!

Мама с папой удрученно покачали головами. Потом папа, спохватившись, спросил, как же она построила времянку, если, извините, ее застрелили? Федор выудил из банки очередной кусок хлеба, придирчиво оглядел его и сунул в рот. Потом облизал ложку.

– Гм... действительно незадача!.. – признал он. – Но с чего вы решили, что он ее убил? Он ее только ранил. Она двое суток переползала к своим, и ее комиссовали подчистую, потому что она отморозила ноги. Так и жила потом без ног. Характер – эх! – сами можете себе вообразить. Участковый – тот даже на улице этой не показывался: боялся, знаете ли, – вдруг у нее окажется ружье?

Покончив с кабачковой икрой, Федор оглядел банку и сообщил, что оставит ее себе. Лучшие в мире кружки для чая получаются из таких вот невзрачных с виду банок, поскольку у них особое, термически закаленное стекло. Это он точно знает как художник.

– Так вы художник! – воскликнул папа, вспоминая этюдник.

– Еще бы! С головы и до пят!

С этими словами Федор встал и преспокойно пошел к себе во времянку. Но на полдороге оглянулся и сурово спросил:

– Что море? Уже купаетесь?

– Холодно, – сказал папа.

– Холодно? Ха! Ха! Ха!.. Не смешите мой аппендикс! Четыре недели назад я купался в Волге, так на ней лежал метровый лед! Я вскрывал его бензопилой «Дружба», а потом проныривал из одной полыньи в другую! – поведал художник.

Папа и мама стояли на пороге времянки, с интересом заглядывая внутрь. Обстановка во времянке была спартанская. Тумбочка, покрытая старой газетой, служила заодно и столом. На полу лежал туристический коврик. У стенки стоял этюдник. Рядом притулился рюкзачок. Вот, собственно, и все. Тетушка-снайпер и ее племянник явно не отягощали себя обладанием излишней собственностью.

– А теперь – сильвупле! Все внимание на арену! Начинаются чудеса! – радостно потирая руки, заявил Федор.

Оглянувшись на Гавриловых, он забрался с ногами на тумбочку и, сделав таинственное лицо, показал на потолок. В потолке был люк, крышка которого держалась на засове. Художник отодвинул засов, и на голову ему вместе с крышкой люка и кучей пыли обрушился велосипед «Салют». Папа Гаврилов сразу определил, что это не «Десна» или «Кама», поскольку у него в детстве был точно такой же велосипед.

– «Салют»! – воскликнул папа.

– Точ-ч-чно! – похвалил художник. – Я вижу, вы знаете толк в вечной технике! Тогда с вас, извините, насос и заплатки! Подозреваю, что обе камеры уже никуда не годятся!

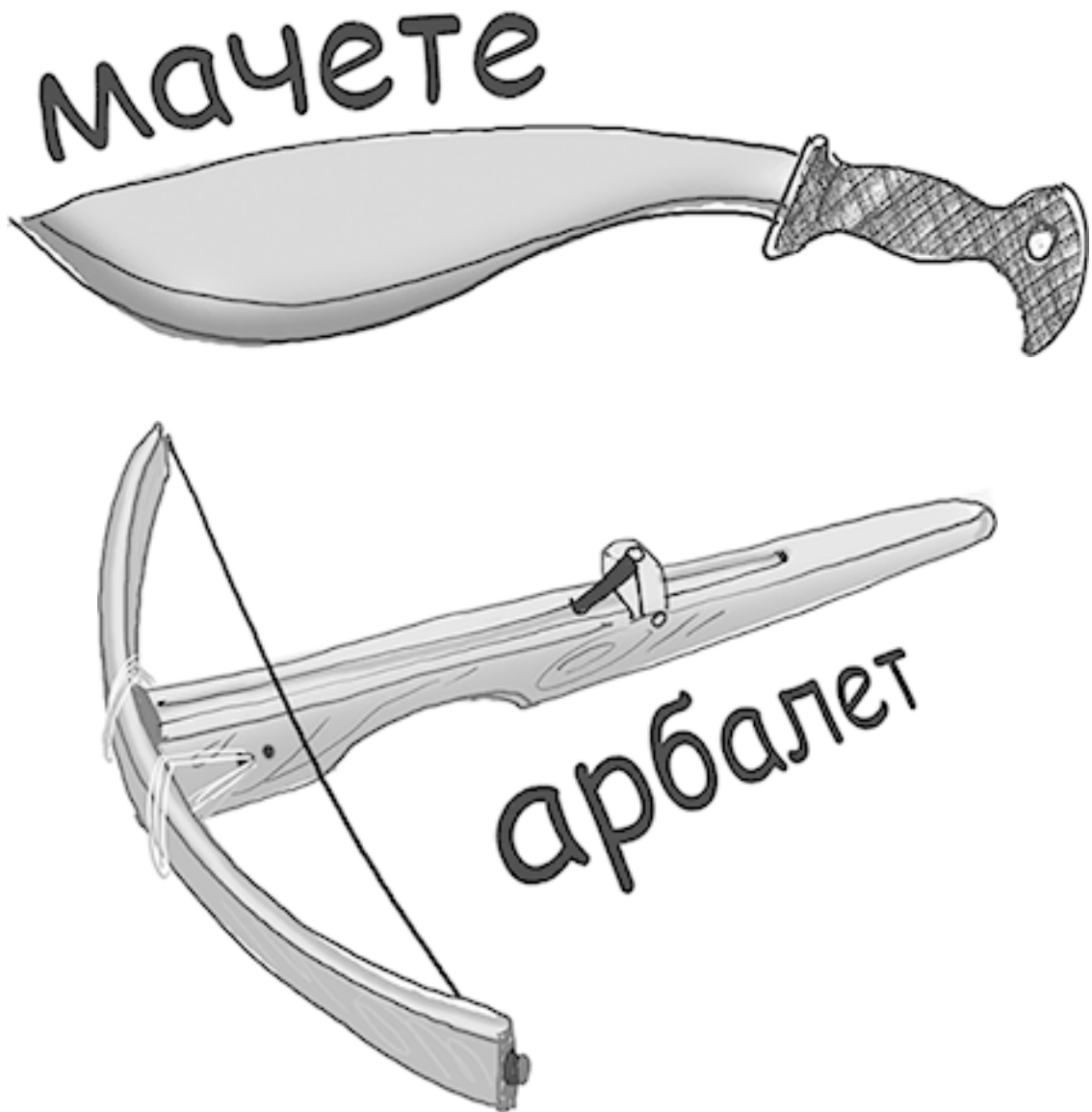
Папа принес инструменты. С инструментами Федор обращался умело, а покрывку лихо разбортировал с помощью ложки и ручки десертного ножа.

– Значит, религиозные соображения все же позволяют вам держать в руках нож? – пошутил папа.

– О, я вас умоляю! Разве это нож? Это издевательство! – заявил художник, который, увлекшись, уже забыл о том, что говорил раньше. – Нож – это вот!

И он извлек из рюкзака здоровенный, тускло поблескивающий тесак. Тесак был явно самодельным, с искусно выточенной из дерева рукоятью.

– Но опять же, маэстро, это не нож! Это мачете! Я выточил его из стального плуга! Металлу износа нет! Лет через семьдесят его, конечно, поведет, то тогда я его слегка подправлю и перезаточу! Когда в прошлом году на меня напали трое, я этим мачете перерубил у них на глазах березу – и они сразу разбежались!

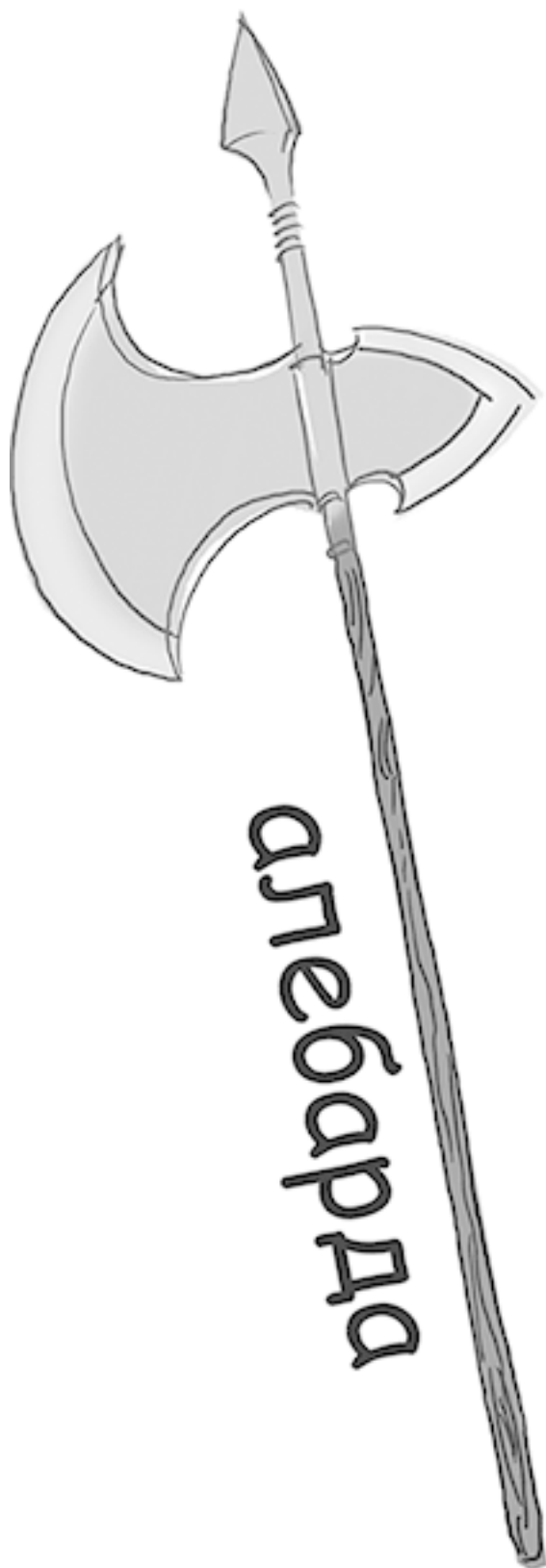

Со свистом размахивая мачете, Федор стал озираться, явно в поисках, чего бы перерубить. Но берез поблизости не росло, а во времянке крушить было нечего, и он с сожалением убрал тесак в рюкзак.

– Слушайте, – сказал папа, – я вас прошу: только детям это оружие не показывайте. А то у нас мальчики... и э-э... ну лучше не надо.

– Мальчики – это чудесно! – воодушевился Федор. – Мы споемся! Я выточу им алебарды, топор-клевец и варяжский меч! И арбалет мы тоже сделаем!

Мама представила себе Костю, который гоняется за Сашей с алебардой, и Сашу, который отстреливается от него из арбалета, и, покачнувшись, прислонилась к дверному косяку.

– Лучше не надо! – сказала она вежливо, но твердо. – Никаких алебард, сабель и так далее! Я ОЧЕНЬ ПРОШУ! В противном случае я просто не знаю, что с вами сделаю!

Федор опасливо посмотрел на маму и задвинул рюкзак за тумбочку:

– Вас понял, фрау! Не надо переходить на прием!.. Ну все! Я откланиваюсь! Мне пора на море пошептаться с волнами!.. Плавки взял, себя взял! Остальное пока факультативно!

С этими словами он выкатил велосипед за незапертые ворота, забрался на него и уехал. От долгого простоя «Салют» поскрипывал, но в целом вел себя бодро.

– Вечная техника! Лет через пятьдесят можно поменять ниппель, а еще лет через девяносто покрасить багажник! – сказал папа.

Мама засмеялась:

– Веселый человек этот Федор! Детям он понравится.

– Что да, то да, – ответил папа осторожно.

Глава третья

Потайная юбка и обезьянка-убийца

Одного я не могу понять – каким образом в детях воспитывается благородство? Ум, сила, образование – это понятно, и пути их приобретения ясны. А вот благородство где взять – не знаю. Видимо, для начала хорошо бы иметь его самому.

Папа Гаврилов

Первой из школы вернулась Алена. Это папа определил по тому, что ворота вначале вздрогнули от удара всем телом, а потом звонок быстро пиликнул три раза подряд. Саша тоже имел привычку ударяться в ворота, но не так громко, да и звонок звучал не сразу: Саше еще требовалось время, чтобы до него дотянуться. А еще Алена прибежала из школы радостная, а Саша всегда являлся всклокоченный и в дурном настроении. Бросал портфель, садился на него, как на пенек, и начинал сердито бубнить:

– Учительница – на-плю-вать! Писать аккуратно – на-плю-вать! А еще у меня зуб шатается! Тоже на-плю-вать!

Разувшись, Алена ошалело уставилась на желтые шторы и, моргнув, сказала:

– Ой! Одуванчик!

Увидела желтую бумажку-напоминалку на холодильнике – и опять:

– Ой! Еще одуванчик!

– А я не одуванчик? – осторожно спросила мама.

Алена внимательно на нее посмотрела:

– Нет, ты не одуванчик... Хотя разве что... ну-ка повернись! Нет, совсем не одуванчик!

Оказалось, по дороге Алена и ее подруга Ира поспорили, кто первый насчитает триста одуванчиков. Пока шли из школы, насчитали 250. И сейчас Алене повсюду мерещились одуванчики. Видит она желтые пуговицы, фантики, даже солнце – а ей всё одуванчики мерещатся.

– А еще мы нашли счетверенные одуванчики! У них сплелись стволы! – сообщила она и, о чем-то вспомнив, кинулась к своему рюкзаку доставать дневник.

– Вот, подпиши! Тут всякие новые замечания! – сообщила Алена с гордостью. Мама открыла дневник. Сегодняшние замечания были такими:

«Пришла в школу в потайной юбке и обижала мальчиков».

«А пишет вам неотданный долг ваш за посещение театра!»

Мама расписалась за каждое замечание в отдельности и, чтобы не потерялись, приколола деньги в дневник степлером.

– Только не рви деньги, а разогни скрепочку! Слышишь? А если порвешь – вот тебе скотч, чтобы заклеить! – объяснила она Алене.

– Мам! – вспомнила Алена. – А химичка, которая трудовичка, учила девочек складывать блузки за две секунды! Я сложила за три! Блузка такая тоненькая становится, как карандаш! А еще мы записывали виды вторых блюд.

– Записывали?

– Ага, в школе плит на домоводстве нет. Мы должны дома сами приготовить курицу и принести учительнице ее фотографию!

– Хорошо, что не саму курицу, – одобрила мама. – Ну это можно! Хорошо!

Папа листал алеющий замечаниями дневник, который он взял у мамы. Классная руководительница у Алены была с чувством юмора. Папа подозревал, что большую часть урока она тратит на выдумывание замечаний. Особенно она любила конструкции с «А пишет вам».

«А пишет Вам невымытый, заросший грязью класс наш!»

«А пишет Вам поведение дочери Вашей на уроке физкультуры! Кричала, чтобы все не шумели, так что слышно было на совещании у директора!»

«А пишет Вам родительское собрание, с которого Вы таинственно исчезли!!!»

Папа Гаврилов, не читавший этого замечания прежде, смутился. С последнего родительского собрания он удрал, притворившись, что ему кто-то позвонил по срочному делу.

– Не думал я, что она заметит. Тихонько же совсем улизнул! Говорили про какие-то обложки на тетради. Скучотень была ужасная, – сказал он виновато. – А вообще... ну что тут скажешь: классные руководители – они все классные! Неклассных не бывает!

Пока папа изучал дневник, Алена побежала кормить своих питомцев.

– А-а-а! Дегу сбежали! – донеслось сверху. Дальше топот ног по потолку и удары «бум-бум-бум». Это Алена ловила кусачих дегу банкой. Наконец дегу были пойманы, опилки поменяны, и Алена опять появилась внизу.

– Папа, как быстро растут крысы от того корма, что я покупаю в зоомагазине! Всего две крошечные гранулы в день – и такие огромные! – с гордостью сообщила она.

– Да, – согласился папа, чтобы не выдать себя, стараясь не смотреть на хлеб, сухой сыр и шкурки от колбасы. – Быстро растут. Ну так это ж крысы! Что с них взять!

После обеда мама посмотрела на лоскутное одеяло своих дел, висевших на холодильнике в форме множества наклеенных разноцветных бумажек, и спохватилась, что нужно вести Костю на собеседование в подготовительный класс. Скоро ему будет уже шесть, а попасть в хорошую школу сейчас реально только через подготовительный класс. Костя учился читать и считать уже целый год и до того заучился, что часто подходил к кому-нибудь из братьев или сестер и с учительской интонацией произносил:

– Зачем нужен холодильник? Чтобы кошка со стола не воровала! Правильно!

Костя был записан на собеседование у школьного психолога на 15.00. Пригласив их с мамой в кабинет, психолог посадила Костю за стол напротив себя, пошарила в ящике стола и, показав Косте красный квадрат, спросила:

– Что это?

– Плоскостная геометрическая фигура, – вяло ответил Костя, потому что их педагог в садике всегда спрашивала: «Кто видел мою коробку с плоскостными геометрическими фигурами?»

– А точнее?

– Красная.

– А еще точнее? Ква... ква...

– Квас! – выпалил Костя, глядя на пустую пластиковую бутылку на подоконнике, из которой поливали цветы. От фигуры он давно уже отвлекся.

Психолог вздохнула и достала карточку с гориллой.

– А это кто? – спросила она.

– Примат, – мгновенно отозвался Костя.

– А еще точнее: обезьянка! Давай посмотрим на картинку! Это обезьянка, она кто? Девочка или мальчик?

– Примат! – упрямо повторил Костя.

– Обезьянка – девочка! Видишь, у нее шляпка и бусы!.. У мальчика было бы что? Пиджак и штанишки!.. Ну вот смотри: представь, что в школе есть два класса. В первом детки мало учатся и много играют, занимаются спортом на свежем воздухе. А во втором детки много учатся, делают уроки и играют уже совсем немножко. В какой класс ты хочешь?

– В этот, – сразу сказал Костя, которого мама заранее подготовила, что говорить надо не то, что думаешь ты, а то, что хочет услышать тетя.

– Это где детки много играют? – попыталась схитрить психолог.

– Нет. Я хочу быть химиком! Всё взрывать, как Саша!

Карточный домик маминых надежд обрушился в одно мгновение. Она издала беззвучный стон, зато психолог сразу заинтересовалась:

– Ну-ка, ну-ка! Взрывать? Очень интересно! У тебя папа кто, химик?

– Да нет, он убивает, – небрежно ответил Костя.

– Кого он убивает? – психолог уронила очки.

– Всех! Драконов убивает, магов, людей – кто попадется. Но я хочу, чтобы он был продавцом. У продавца в магазине всё есть и можно бесплатно брать!

Психолог с опаской посмотрела на маму, которая торопливо пыталась сделать умное и доброе лицо.

– Папа у нас пишет книжки, – объяснила мама.

Психолог посмотрела в анкету.

– А тут написано, что он филолог! – произнесла она с укором.

– Папа всегда всех обманывает, – авторитетно заявил Костя. – И мама всех обманывает! Она пишет, что она педагог и художник, а на самом деле она домохозяйка!

Психолог посмотрела на покрасневшую маму, заставила Костю досчитать до десяти, прочитать несколько строчек в книжке и после некоторых колебаний записала его в подготовительный класс.

Подходя к дому, мама и Костя увидели, как с боковой улочки выезжает маленький синий автобус, на крыше которого было установлено сразу два рупора. И оба этих рупора хрипели так, что ничего нельзя было разобрать. Синий автобус доехал до конца улицы, развернулся и опять проехал мимо них. И снова рупоры плевались какими-то непонятными словами. Но зато мама и Костя увидели, что в автобусе, кроме водителя, сидят еще два человека и, прилипнув к стеклам, что-то высматривают. И лица у них были озабоченные.

Глава четвертая

Тигры, козы и дикие многоножки

Писать книги может каждый! Берем: «Жили у бабуся два веселых гуся». «Жили» меняем на «Мой дядя». «У бабуся» меняем на «самых честных правил». «Два веселых гуся» меняем на «когда не в шутку занемог». И получаем оригинальный текст.

Художник Федор

Еще не дойдя до ворот, мама увидела своего сына Сашу и соседских Андрея и Серафима. Соприкасаясь головами, все трое сидели на корточках и, от волнения забывая дышать, разжигали костер. С ними рядом, опираясь локтями о руль велосипеда, стоял художник Федор и поучал:

– Хорошие спички в наше время купить непросто! Когда я поджигал дом своего тестя, то бегал за спичками за два квартала!

Андрей, Серафим и Саша кивали, набираясь опыта. Увидев маму, Федор поклонился и показал ей рюкзак, полный мидий.

– А крабов еще нет! Не подошли крабы! – сообщил он.

Саша оторвался от костра:

– Мам, мам! А ты знаешь: Петя поломал Рите руку! Прямо дверью!

Мама кинулась к дому.

– ...и теперь у Риты кукла без руки! – договорил ей вслед Саша, но мама, не слыша, уже пронеслась к воротам. Рита, целая и невредимая, сидела на стуле и что-то с большим усилием жевала. Мама пригляделась и, тихо застонав, стала разжимать ей зубы.

– Что ты грызешь?! Таблетки?! А ну выплюни!

Рита замотала головой, не разжимая зубов.

– А что?! Говори: что?!

– Кы... к... кышку от лекалства, – выговорила Рита, на всякий случай не разжимая зубов до конца, чтобы ее не обокрали.

– А-а, ну это еще ладно, – смирилась мама и опять вышла на улицу. Ей требовалось время, чтобы отдышаться. Костя сейчас все равно прилип к мальчикам и, пока там костер, никуда не денется. Будет только все время бегать домой и, прокрадываясь на цыпочках, похищать на растопку папины рукописи.

Рядом кто-то кашлянул. Это Федор пришел одолжить у мамы кастрюлю, чтобы приготовить мидий. Заодно одолжил и место на плите.

– Чудесная кастрюля! Осенью, как буду уезжать, верну! – пообещал он. Мама едва не уронила кастрюлю себе на ногу.

– Осторожно! С водой же! – запереживал художник.

Вскоре кастрюля уже пытела на плите, распространяя сильный запах водорослей.

– Чистый йод! А мидии какие! Когда-то французы покупали их у нас и расплачивались... думаете, валютой? Как бы не так! Чистым золотом! Но потом догадались выкрасть несколько штук, провезли через границу в наполненных водой каблуках и теперь выращивают у себя! – поведал Федор.

– А зачем их было выкрадывать, когда их и так покупали? – крикнул из комнаты папа.

Федор на мгновение задумался.

– Элементарно! – сказал он. – Для разведения нужны особые мидии! Звери, а не мидии! Этих не продавали даже за золото!

Не в силах дольше выносить запах чистого йода, мама вышла на крыльцо. По забору бегала сумасшедшая курица Моховых с привязанным к хвосту пакетом.

– Мара-а-ат, я умираю! – стонала с другой стороны тетя Таня, которую дядя Марат отогнал от компьютера.

– Не умирай, жена! Нам сегодня еще надо сделать тридцать звончков, подписать сто конвертиков для фотографий – и тогда сразу будем умирать! – обнадеживал ее дядя Марат, который сегодня фотографировал школьников для выпускного альбома.

Услышав голоса, Рита выплюнула крышку от лекарства и подбежала к забору. Она любила перелезть к Моховым, у которых были качели. Мама посадила Риту. Рита повисла на заборе, болтая ногами. Чокнутая курица бегала у нее по спине. С той стороны подошел дядя Марат и спас Риту.

Вскоре стало слышно, как скрипят качели. Риту раскачивал вернувшийся Серафим. Рита хотя и боялась, но, вцепившись в веревки, визжала:

– Еще-еще! Ай!

Подошел дядя Марат и остановил качели.

– С ума сошел? Она же до луны долетит, если сорвется! – увещевал он Серафима.

– До луны не долетит! – со знанием дела отвечал Серафим. – Самое большее – до того заборчика!

– Еще сильнее! Еще! Ай! – пищала Рита, замирая от страха и восторга.

Наверху защелкали шпингалеты. Это Пете надоело готовиться к ЕГЭ, и он шел мотать нервы папе.

– Вот ты скажи, – начал он еще издали, – зачем мне это образование? Ну зачем?

Папа на всякий случай сохранился и открыл на рабочем столе пустое окно. Он не любил, когда ему заглядывают в недописанную книгу.

– Ты должен почувствовать, к чему тянется твоя душа. Если мужчина не любит свою работу, то всю жизнь будет несчастен. И как всякий несчастный человек, будет заражать своим недовольством окружающих!

– А если моя душа ни к чему не тянется? – спросил Петя. – Я, может, магазин хочу охранять!

– Очень хочешь? Давай я договорюсь с Моховыми!.. У сестры дяди Марата палатка с сувенирами. Она как раз сторожа ночного ищет, – предложил папа.

Петя не слишком воодушевился:

– А она много платит?

– Не слишком много. Как сторожу.

– Потом когда-нибудь! Не сейчас! – быстро сказал Петя.

– «Потом» ничего не бывает. Если человек хочет охранять магазин – он охраняет его уже сегодня. А если не охраняет – это просто болтовня! – сердито ответил папа.

Петя вздохнул и страдальчески покосился на потолок, где была его комната, заваленная книгами и тестами.

Видя, что папа не готов к дискуссии, Петя недовольно встал и, пробурчав «Ты счастливый. У тебя есть любимая работа. А если у меня не будет любимой работы?», опять отправился к своим тестам.

Однако хотя Петя и шел к тестам, но ушел не дальше кухни. Там на блюде уже лежали мидии, а рядом прохаживался Федор и капризно требовал лимонного сока.

– Может, в холодильнике? – предположил Петя.

– Там нет ни одного лимона! Хотя ладно, если вы такие бедные, гоните горошек!..

– А горошек есть?

– Средняя полка, сразу за майонезом! – сказал художник, даже не оборачиваясь к холодильнику. Он уже как-то незаметно ознакомился со всем, что было на кухне. И даже со всем домом как-то ознакомился, хотя не поднимался выше первого этажа.

Мидии закончились очень быстро. Просто до грустного быстро.

– А мы не отравимся? – нерешительно спросила мама.

– Цианобактерии уже сообщили бы нам об этом, – сказал Федор, взглянув на настенные часы. Вслед за этим он извлек из кармана пакет и стал убирать в него самые крупные вскрытые раковины.

– Буду на них рисовать! – поведал он. – Согласен, что безвкусица, но туристам нравится! Всё лучше, чем на плоских камнях! Однажды в драке я получил в лоб чем-то тяжелым. Поднимаюсь с земли, хватаю этот камень, чтобы запустить им обратно, а на нем нарисовано «Ласточкино гнездо» и написано «Приезжайте к нам еще!». Смешно!

Петя захохотал.

– Громко смеешься! Объем легких хороший! Два века назад тебя взяли бы в гвардию трубачом, – одобрил Федор. – А вот сможешь ли ты, юный богатырь, съесть за минуту четыре печенья «Юбилейное» без воды? Съедаешь – я даю тебе пятьсот рублей! Не съедаешь – ты даешь мне сто!

Петя заинтересовался. Съесть четыре печенья показалось ему несложным.

– Что, серьезно, что ли? А у вас есть пятьсот рублей? – спросил он.

– Нет, – с грустью признался Федор. – Я не связываюсь с презренной бумагой. Я как Лев Толстой! Мои деньги носит жена. Причем где именно носит, я не знаю. В последний раз носила в Саратове... А у тебя-то сто рублей есть?

– Я возьму у папы!

– Тогда и я возьму у твоего папы! – воодушевился Федор.

– Нет, – отказался папа Гаврилов, слышавший этот разговор. – Что мне за радость спорить, когда я все равно сам себе проиграю?

– Но ты и сам у себя выиграешь! – возразил Петя, но папа так и не загорелся.

Потом, правда, оказалось, что и печенья «Юбилейное» у них нет, а есть только овсяное, а оно для спора не подходит.

– В общем, съесть его не запивая нереально! Поверьте профессионалу! Задохнешься, будешь кашлять, но не съешь! – сказал Федор. – Целое прошлое лето я так добывал деньги. Стоял на вокзале в Москве – и стоял бы до сих пор, если бы не поругался с полицейским. Он, коварный человек, каждый день бесплатно ел мое печенье! Прятал в рукаве бутылочку и запивал!.. Прямо как в столовую приходил! Неделю я терпел, но потом не выдержал.

Федор взял со стола последнюю раковину, осмотрел ее и, оставшись недоволен, метко выбросил в ведро.

– А еще я сажал всех желающих на шпагат в парке «Сокольники»! – похвастался он. – У меня даже картонка такая была, с надписью готическим шрифтом: «Посажу на шпагат за пять минут! Тысяча рублей!» В основном на это клевали девушки и спортивные юноши. Правда, последние почему-то опасались, что я буду их насильно растягивать и порву связки. Но я же не садист и не мошенник, хотя деньги брал всегда вперед. Получив тысячу, я действительно сажал их на шпагат! У меня был прекрасный новый шпагат, больше метра длиной. А чтобы никто не запачкал брюки, я стелил на лавочку газетку.

В приоткрытое окно донесся истеричный собачий лай и звук веток, скребущих по жести. Мама, сидевшая к окну ближе остальных, увидела знакомый синий автобус, который продирался сквозь кустарник со стороны соседней улицы. Динамики его по-прежнему хрипели, но так как автобус ехал медленно, кое-что уже можно было разобрать:

– Из шапито «Синяя лента» сбежали или украдены черная козочка Альма и тигренок-альбинос Мур.

Нашедшему или знающему местонахождение – премия 200 000 рублей!

Кончики усов у Федора зашевелились как живые и разом встали торчком. Это было так необъяснимо, что Саша, накаливавший на газовой конфорке гвоздь, чтобы, потыкав им дырок в старой шине, сделать растильню для мух, уронил плоскогубцы себе на ногу.

– Я предчувствую удачу! И всё, что отделяет меня от удачи, – это какие-то тигренки и осел!.. – воскликнул художник.

– Козочка! – поправила Катя.

– Без разницы! За такие деньги я наловлю им стадо коз и мешок кошек!

– Кошек они не возьмут... Двести тысяч – это сколько последних айфонов? – жадно спросил Петя. Он все переводил в айфоны.

– Много! – сказала Вика.

– Я буду очень крут! Я буду богат! – заорал Петя и, вскочив, стиснул Вику в объятиях.

– Спятил?! Мне же больно! – пискнула Вика.

Петя отпустил ее.

– Ты ничего не понимаешь! – поучительно сказал Федор. – Был такой писатель Гржимек, изучавший жизнь горилл. Однажды он немножко сильно обнял свою невесту и сломал ей два ребра.

– И как? Она его простила или стала закатывать трагедию? – спросила Алена, стоявшая с ногами на подоконнике и глядевшая вслед синему автобусу.

– Простила, – сказал Федор. – Это была смелая благородная женщина! Она помогала мужу ловить обезьян! Голыми руками удерживала гориллу, пока он бегал за клеткой... А теперь – велосипед мне! Я еду искать сбежавшего тигра! Жаль, конечно, что мне не помогает жена Гржимека, но тут уж ничего не поделаешь! Не всем так везет!

Федор вскочил на велосипед и умчался. Следом за ним умчался и Петя, не желавший делиться с художником новыми айфонами. Костя и Саша тоже попытались под шумок улизнуть.

– Вы двое – стоп! – всполошилась мама, преграждая им дорогу. – Со двора не выходить! Ищите во дворе! В крайнем случае у Моховых.

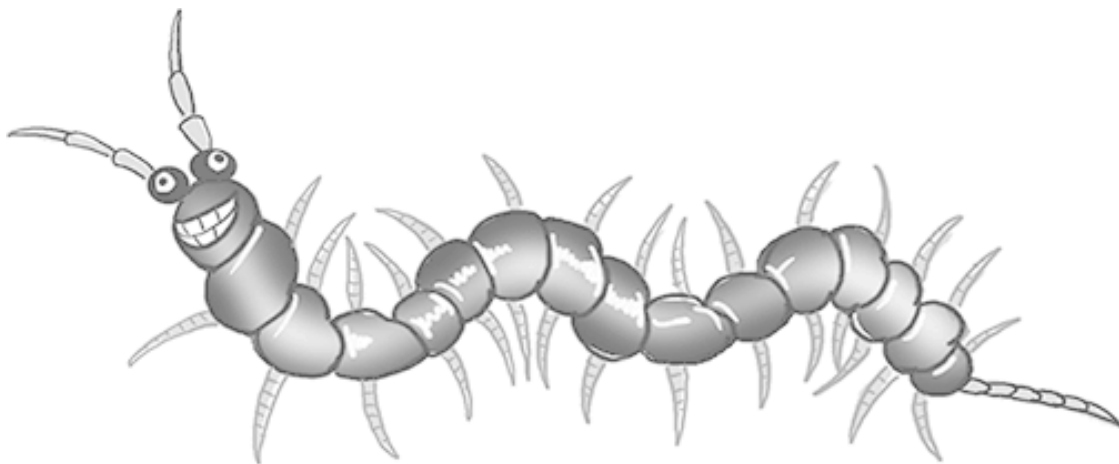
– А они там есть? – усомнился Саша.

– Они могут быть где угодно! Козы повсюду запрыгнут, а тигры и подавно! – обнадежила его мама.

Костя и Саша потащились во двор. Долго возились там, заглядывая под крыльцо. Потом Костя спросил:

– Саш, тебе многоножка нужна?

– Давай! Я посажу ее в банку. Не бери голой рукой! Тут есть одно «но»! Она тебя обожжет!..

И опять они пыхтели, переворачивая камни. Тигры и козы были забыты. Некоторое время спустя Костя сообщил:

– Шкурку таракана нашел. Что мне делать со шкуркой таракана?

– Оставь себе! – великодушно разрешил старший брат, и младший ее сразу выбросил.

И снова пыхтение.

– Саш, у тебя есть какая-нибудь рана? – вдруг вспомнил Костя. – А то у меня есть зеленка!

Саша встал и, сунув руки под мышки, уставился на брата. Брови у него шевелились. Он думал.

– Кстати говоря, а давай многоножку опустим в зеленку! – предложил он.

– А в банку?

– А потом в банку. Надо же, чтобы она была чистая! Ты что, ку-ку? Не понимаешь? На дикой многоножке инфекции!

Через забор что-то крикнули. Это дядя Марат, Андрей и Серафим шли искать тигренка и звали Сашу с Костей с собой.

– Ну идите тогда, раз все вместе! – разрешил папа, и Саша с Костей умчались. Спасенная многоножка поспешила улизнуть под крыльцо.

Андрей по дороге бубнил, что либо они не найдут тигренка, либо их обманут и не дадут денег. Скорее всего, и первое, и второе, и еще какое-нибудь третье, типа того, что их насмерть забодает коза, на рогах у которой окажутся бациллы малазийской лихорадки. Но предусмотрительно бубнил Андрей тихо, потому что искать тигренка ему было интересно, а нытьем он просто страховался от неудачи, чтобы потом можно было сказать «Ну я же говорил!». Дядя Марат захватил с собой свой любимый фотоаппарат с японским объективом. Он счел, что люди, ищущие тигренка, достойны запечатления уже потому, что не сидят дома, а хоть что-то ищут.

Дядя Марат с мальчиками отсутствовали часа два. Потом вернулись, и Костя с Сашей были торжественно вручены родителям. Саша выглядел так, словно искал тигренка во всех лужах. Костя ухитрился потерять шапку, но ему заботливо надели капюшон, в котором он ничего не видел и на все наткнулся.

– Главное – живые! – сказал дядя Марат.

Серафим с Андреем тоже слегка пострадали. Серафим по непонятной для самого себя причине сунул палец в щель почтового ящика на чьих-то воротах. Палец застрял, Серафим пытался освободиться. На грохот ворот выскочила какая-то бабулька, стала дергать ворота, но они не могли ее выпустить из-за пальца, чтобы он совсем не ободрался. Бабулька решила, что ее замуровали бандиты. Звала на помощь сына, билась в ворота, и вообще, как определил дядя Марат, возник «трудный для объяснения момент». Андрей же ободрал колено, когда они удирали от сына бабульки, и теперь с минуты на минуту ожидал смерти.

– Фотографии интересные есть? – спросил папа Гаврилов.

Дядя Марат нежно погладил фотоаппарат:

– А как же! Тут они, миленькие! Весь город ищет!.. «Ищут пожарные, ищет милиция, ищут фотографы нашей столицы!» Даже курсантов на поиски выгнали, так половина почему-то в магазинах искала.

Дядя Марат снова полюбовался фотоаппаратом. Папа Гаврилов готов был поспорить, что эти курсанты у автомата тоже не избежали запечатления.

– А тигренка-то нашли? – спросил он.

– Не-а, – помотал головой дядя Марат. – Никто пока не нашел! Тут целая история с этим тигренком. Приехало шاپито, встало на стадионе, но там городские соревнования по футболу, и их турнули. Пока они натягивали шатер в городском парке, коза отвязалась и куда-то ушлепала, а с ней вместе и тигренок. Сбежали они, видимо, утром, а хватились их только днем. А билеты на две недели вперед распроданы, а эти коза с тигренком – гвоздь программы! Пока раскачали панику – вот уже вечер... За это время коза с тигренком могли убрести на край света.

– А тигренок зачем убежал?

– Здрате! Так коза его кормит! Тигрица от него отказалась при рождении, даже, говорят, прибить собиралась. Альбинос все-таки, чудо природы. Ну его и отдали козе. Поначалу молоко сцеживали и кормили из бутылки, а потом тигренок сам научился за козой ходить. Сейчас он подрос, конечно, уже и сам ест, но все равно за козой таскается!

Петя пришел после десяти вечера и сообщил, что тигренка ищут с фонарями, а вознаграждение, говорят, подняли еще на парочку айфонов. Федор вернулся только в час ночи и стал трясти ворота.

Папа Гаврилов открыл ему. Руль велосипеда был сильно искривлен, как бывает при падении, а от самого художника сильно пахло настойкой боярышника.

– Переволновался! Сердце едва не разорвалось! Хорошо, добрая женщина подвернулась, аптекарь, она меня спасла! – объяснил он, ударяя себя кулаком в грудь. – Но народ-то какой у нас темный! Не знают, что тигра надо ловить на ягненка! Отнять ягненка у матери, привязать на городской площади под часами – и пусть блеет! Тигр придет, а тут – раз! – падает сеть! Готово!.. Лично я поймал так волка-людоеда! Это было в Бурятии, позапрошлой зимой!..

– И что волк? Не сбежал?

– От меня не убежишь! Спеленал как миленького, волк даже не хрюкнул! – сказал Федор и, прислонив велосипед к забору, отправился во времянку. Вскоре оттуда уже раздавался его могучий храп.

Глава пятая

Рита Мофс

Каждая семья – это отдельный мир со своими законами и внутренней логикой. Не идеальная, но работоспособная и автономная вселенная, в которую нельзя вторгаться. Вот этой беспокойной маме, которая сама ввинчивается в стул как шуруп, в школе жалуются, что сын у нее слишком активный. Мама вздыхает, соглашается, но при этом понятия не имеет, что с этим делать. Пустырником его поить? А эта вот толстая мама дома с визгом бьет своих пупсиков полотенцем, а потом целует их в животики. И карапузики очень довольны. А та длинная, занудная мама в очках делает своему ребенку бесконечные вялые выговоры. И он стоит и кисло слушает ее. И никакие внушения в мире не заставят людей стать другими, не такими, как они уже есть.

Папа Гаврилов

На другое утро городская газета вышла с заголовком «ТИГР НА СВОБОДЕ». Съехавшие отовсюду корреспонденты снимали душераздирающие репортажи, пуская видеорядом бенгальского тигра-людоеда и убегающие от него толпы. На фоне этих репортажей у многих в городе началась тигрофобия. Мэр города призывал народ к спокойствию, что только усугубляло панику. Начальник полиции ввел усиленное патрулирование улиц. Мамы водили детей в школу, вцепившись в них всеми конечностями, и при виде любой кошки поднимали панический визг.

Те, у кого были машины, передвигались теперь только на них, даже если работали в ста метрах от дома, и даже у мусорки возникали дикие пробки.

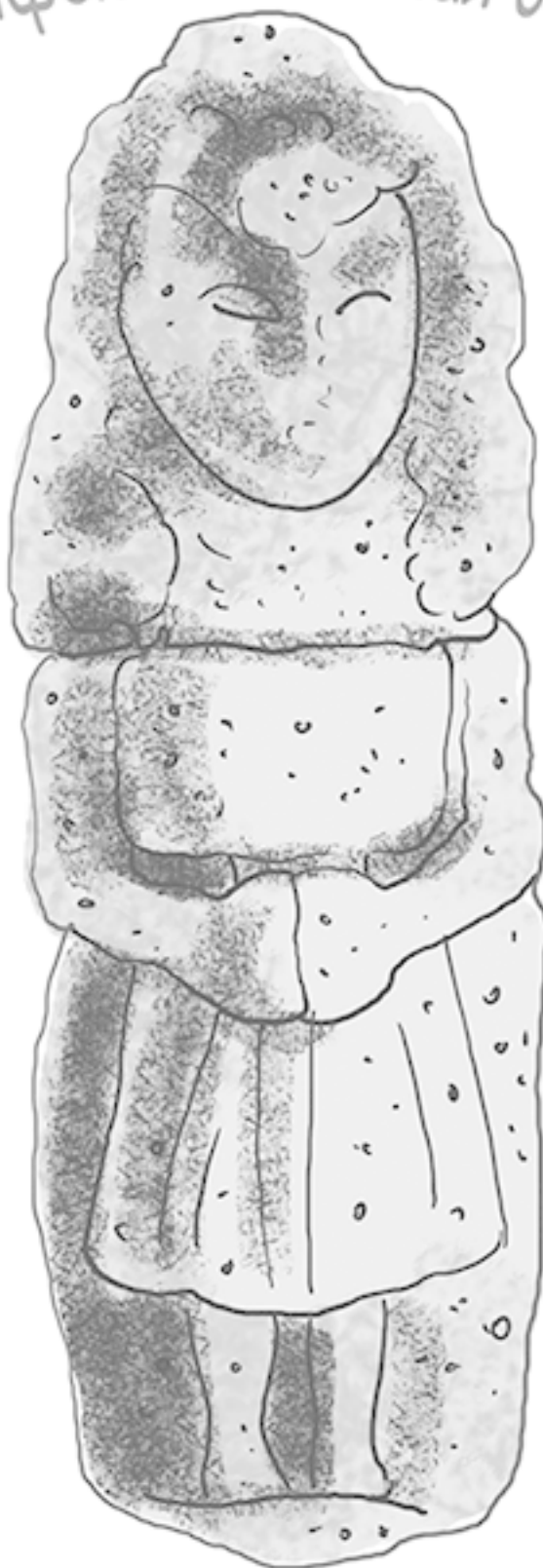
Древний старичок Абрамцев, живший на въезде в улицу-«восьмерку», вообще отказался выходить из дома. Торчал в окошке между цветущими геранями и сообщал всем прохожим:

– Только тигров нам не хватало! Дожили! При Сталине тигры по улицам не ходили!

Дядя Марат поначалу хохотал и говорил:

– С ума все походили с этим тигром! Котлета на лапах! Я его три дня назад для афиши снимал! Он мне все пуговицы на рубашке обсосал.

Скифская каменная баба,

Но к вечеру, наслушавшись радио и городских сплетен, дядя Марат переменял мнение:
– А кто его знает... В новостях сказали: тот бенгальский тоже поначалу никого не трогал.
А потом раз – десять человек в одну ночь! Не будут же журналисты врать!

Одни Гавриловы не заморачивались. Телевизора, чтобы нагнетаться, у них не было, радио они не слушали, а главным источником информации служил художник Федор. Утром и вечером он колесил на велосипеде по городу и искал тигренка, а днем сидел на туристической улице между скифскими каменными бабами и рисовал портреты-десятиминутки. Порой к нему даже выстраивалась очередь.

– Секрет прост! – объяснял Федор свой успех. – Я не стремлюсь к реалистическому искусству! Всякую женщину я рисую похожей на Мэрилин Монро, а всякого мужчину – на молодого Боярского!

– И недовольных не было?

– Какие там недовольные! Один француз три раза рисоваться приходил, когда я закосил его под Алена Делона!.. Маме, новой жене и бывшей теще – всем по портрету! Меня больше волнует, куда коза девала тигренка. Она хоть понимает, каких денег меня лишает?!

Утром все проспали и опаздывали. Алена носилась по комнате и ловила удравших ночью дегу. Саша, от которого папа на минуту отвлекся, досыпал на коврик для обуви. В ванной торчала Катя и по минуте чистила каждый зуб. Вика колотилась в хлипкую дверь и требовала, чтобы ей открыли. Катя дочистила зубы, после чего появилась в дверях и нравоучительно произнесла:

– И логопед говорит, что у тебя слабая воздушная струя? И это она говорит мне, твоей сестре, которая каждый день слушает, как ты вопишь!

Вика как мельница замахала на нее руками и скрылась в ванной.

Костю и Риту мама собирала в садик. Оба дошкольника сидели на лавке, болтали ногами и пытались вспомнить, что у них болит, чтобы можно было остаться дома.

– У меня голёва не болит? А голло? А зивот? А ноги у меня не болят? – спрашивала Рита.

– Сейчас сделаем укол – и будет легче! – утешала ее мама.

– Не надо уколь! Узе плосло! – быстро сказала Рита и стала выяснять, можно ли кричать под водой.

– Сомневаюсь, – сказала мама. – Но некоторые пробуют. Один мальчик говорил: «Сейчас я со злости воду покусая, что вы меня в бассейн притащили, а потом буду плакать под водой!»

Рита задумалась. Она не знала, что «один мальчик» – это Костя. Зато Костя это помнил и недовольно посмотрел на маму.

– А под водой лазве мозно плакать? – продолжала выяснять Рита.

– Можно, но неинтересно. Никто не видит, – хмуро отозвался Костя. Он что-то пошептал Рите на ухо, и они стали интриговать, чтобы перед садиком оказаться в магазине.

– Нет денег! – сказала мама, зная, во что выливаются такие вот походы за воздухом.

Рита строго посмотрела на нее:

– А бьянкомат? Рита Мофс сказала, стобы ты купила бьянкомат! Ты его купила?

– Нет, – создалась мама.

– Плёхо. А плосто деньги ты купила? Рита Мофс сказала, стобы ты купила плосто деньги и всегда ходила со мной в магазин!

– Рита Мофс! Кто это? – спросил папа, уверенный, что Рита не выговорила какую-то букву.

– Мофс, – объяснила мама. – Фамилия такая. У них в садике три Риты. Рита Залесная, Рита Мофс и Рита Гаврилова, с которой ты уже знаком!

Мама посадила Риту в детское кресло, Костю на раму – и уехала. Со второго этажа спустился Петя с одной тетрадь под ремнем и, сунув руки в карманы, ушел осчастливливать школу. Через пару минут после Пети по ежедневному маршруту отправилась Катя. Вскоре после Кати – Вика. Она шла с плеером в ушах и каждые несколько секунд, видимо опасаясь потеряться, смотрела на экран смартфона, который несла перед собой в полусогнутой руке.

Последней брела Алена, и позвоночник у нее осыпался в трусы от тяжести громадного рюкзака. На шее, как камень, болталась физкультурная форма в мешке. Вика со вздохом остановилась, подождала сестру и стала помогать ей, подтягивая немного вверх ручку надетого на Алену рюкзака. Со стороны казалось, что она волочет Алену за шиворот.

Папа сказал сам себе «Уф!» и хотел уже пойти работать, но тут на коврик проснулся забытый Саша, удивленно осмотрелся по сторонам и отправился искать школьные брюки и белую рубашку.

– А ты их вчера на место повесил? – спросил папа.

Саша дипломатично уклонился от ответа. Рубашку он нашел довольно быстро, брюки выудил за штанину из груды брошенных в стирку вещей и, навьючившись портфелем, тоже согласился удалиться. Судя по времени удаления, дневник его должен был украситься замечанием. Саша к замечаниям относился философски. По дороге в школу он грыз яблоко и мечтал о самой лучшей вещи в мире – о собственном болоте. Саша уже несколько недель вынашивал мысль, что можно сделать на участке болото и разводить в нем:

- 1) лигушек
- 2) третоноф
- 3) кракдилоф
- 4) бигимотоф
- 5) йащириц
- 6) ракоф
- 7) ищо когонийбут

Хотя до садика ехать было от силы пять минут, мама вернулась домой только через полчаса.

– Я так больше не могу! Эта Рита Мофс меня совсем доконала! Она разрешила нашей Рите купить говорящую куклу, которая сама ходит! – воскликнула она.

Папа пока ничего не понимал:

– Что она сделала?

– Эта Рита Мофс сказала: «Пусть твои родители купят тебе говорящую куклу, которая сама ходит! Я разрешаю!»

– И ты купила?

– Нет, конечно! Она стоит, как мотоцикл! Но мы стояли двадцать минут любовались этой куклой! И завтра еще пойдем! И послезавтра! Мы теперь каждый день будем ходить любоваться куклой. Ну, Рита Мофс!!! Удружила!

Папа напрягся и вспомнил Риту Мофс. Это была крошечного роста, но очень широкая девочка-кнопка, говорившая очень громко и уверенно. Когда папа забирал Риту из сада, Рита Мофс всегда оказывалась рядом. Она подходила к папе Гаврилову и требовала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.